

Чебаковская А. В. Эвакуация «детей Севера»: попытка смягчения социальных проблем в условиях Гражданской войны / А. В. Чебаковская // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 499—518. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-499-518.

Chebakovskaya, A. V. (2021). Evacuation of “Children of North”: an Attempt to Mitigate Social Problems during Civil War. *Nauchnyi dialog*, 10: 499-518. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-499-518. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-499-518

Эвакуация «детей Севера»: попытка смягчения социальных проблем в условиях Гражданской войны

Чебаковская Александра Вячеславовна
orcid.org/0000-0001-5750-956X
младший научный сотрудник
сектора истории
chebakovskaja@yandex.ru

Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского
центра «Карельский научный центр
Российской академии наук»
(Петрозаводск, Россия)

Благодарности:
Финансовое обеспечение исследования
осуществлялось из средств
федерального бюджета на выполнение
государственного задания
Карельского научного центра
Российской академии наук
(121070700117-1)

Evacuation of “Children of North”: an Attempt to Mitigate Social Problems during Civil War

Alexandra V. Chebakovskaya
orcid.org/0000-0001-5750-956X
Junior Researcher
History Sector
chebakovskaja@yandex.ru

Institute of Linguistics,
Literature and History
of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:
The research was financed
from the federal budget
for the fulfillment of the state assignment
of the Karelian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(121070700117-1)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе архивных источников раскрывается опыт эвакуации социально неблагополучных детей Карелии в Харьковскую губернию в 1919—1920 гг., анализируется система жизнеобеспечения «государственного ребенка» в Гиевской колонии. Изучение этого специфического способа оказания социальной помощи детям, применявшегося в экстремальных условиях Гражданской войны, позволило раскрыть сложность и рискованность такого рода мероприятий. Центральное место в статье отведено исследованию продовольственного вопроса, снабжения обмундированием и других проблем обеспечения колонистов. Охарактеризована организационная составляющая процесса эвакуации и реэвакуации детей, показаны изменения в материальной базе колонии, выявлены проблемы в осуществлении учебно-воспитательной работы внутри учреждения. Особое внимание уделяется характеристике медико-санитарного обслуживания воспитанников Гиевской колонии с определением санитарно-гигиенических условий жизни в учреждении, наличия у детей предметов личной гигиены, а также обследование их врачами. В статье показано, что дело снабжения продуктами и одеждой воспитанников колонии практически полностью легло на плечи ее сотрудников, которым приходилось самостоятельно привлекать дополнительное финансирование, улучшать материальные условия проживания детей, искать необходимые ресурсы для развития подсобного хозяйства и мастерских.

Ключевые слова:

охрана детства; детская колония; система жизнеобеспечения; эвакуация; Карелия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the basis of archival sources, the experience of the evacuation of socially disadvantaged children of Karelia to the Kharkov province in 1919—1920 is revealed, the life support system of the “state child” in the Giev colony is analyzed. The study of this specific method of providing social assistance to children, used in the extreme conditions of the Civil War, made it possible to reveal the complexity and riskiness of such activities. The central place in the article is devoted to the study of the food issue, the supply of uniforms and other problems of providing for the colonists. The organizational component of the process of evacuation and re-evacuation of children is characterized, changes in the material base of the colony are shown, problems in the implementation of educational work within the institution are identified. Particular attention is paid to the characteristics of the medical and sanitary services for the inmates of the Giev colony with the definition of the sanitary and hygienic conditions of life in the institution, the availability of personal hygiene items for the children, as well as their examination by doctors. It is shown in the article that the supply of food and clothing for the inmates of the colony almost completely fell on the shoulders of its employees, who had to independently attract additional funding, improve the material living conditions of children, and look for the necessary resources for the development of subsidiary farming and workshops.

Key words:

child protection; children's colony; life supporting system; evacuation; Karelia.

Эвакуация «детей Севера» : попытка смягчения социальных проблем в условиях Гражданской войны

© Чебаковская А. В., 2021

1. Введение

В условиях революции и Гражданской войны в России произошло резкое увеличение количества социально неблагополучных детей, которым требовалось оказание помощи со стороны государства или общественности. Прежде всего в помощи нуждались дети-сироты, беспризорные, дети-инвалиды и др. В начале 1920-х годов государство объявило своей главной задачей заботу о детях и различными способами стало предоставлять им помощь и поддержку. Одним из вариантов временной помощи являлась эвакуация детей в благоприятные районы в целях спасения их от голода. Ответственность за реализацию эвакуационной кампании возлагалась на Народный комиссариат просвещения, а сама организация эвакуации детей — на плечи местных сотрудников отделов народного образования. Сверху на места спускались подробные инструкции о ходе эвакуации, предоставлялись сведения о системе обеспечения и снабжения детей, однако в реальности выполнение разработанных документов осложнялось объективными экономическими трудностями. По стране за 1921—1922 годы из голодающих губерний было вывезено 121 018 детей, всего эвакуация охватила примерно 1 млн человек [Население России ..., 2000, с. 133]. Эта практика затронула и неблагополучных детей из Карелии, которых еще в мае 1919 года эвакуировали в хлеботорные местности Харьковской губернии. Ситуация примечательна тем, что вновь образованной колонии пришлось продолжительное время самостоятельно решать организационные, хозяйственные и другие вопросы при постоянной смене действующей власти в Харьковской губернии. Предполагаемое время нахождения детей вдали от дома значительно увеличилось, что осложнило обеспечение воспитанников и сотрудников необходимыми ресурсами.

Практику эвакуации детей в хлеботорные местности современники событий изучали в контексте деятельности санаторных учреждений, летних школьных колоний [Детский санаторий ..., 1910; Евсеев, 1926]. Современные исследователи анализируют исторический опыт эвакуации голодающих детей за границу [Смирнова, 2003; Смирнова, 2015], изучают детский отдых в летних и оздоровительных лагерях [Абашкина, 2018; Дейч, 2016; Дорохова, 2017; Коротаева, 2017; Куприянов, 2018; Ладченко, 2018]. Применительно к Карелии данный вопрос остается неизученным.

Цель данной статьи — охарактеризовать опыт эвакуации социально неблагополучных детей из Карелии в благоприятные районы страны, раскрыть систему жизнеобеспечения воспитанников образованной колонии и учебно-воспитательную работу с ними. Для написания статьи использовались материалы Национального архива Республики Карелия. Анализ источников по исследуемой теме позволил выделить ряд кейсов, которые составили разделы данной статьи: организация и состав колонии, управление колонией, ее материальное и медико-санитарное состояние, учебно-воспитательная работа, решение вопроса о реэвакуации колонии.

2. Организация и состав колонии

В мае 1919 года воспитанники пяти детских приютов Карелии были эвакуированы в Харьковскую губернию [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 7]. Там была организована «Гиевская колония детей Севера», размещавшаяся в имении бывшего князя Святополка-Мирского в селе Гиевка Харьковского уезда. Дети вместе с педагогическим и техническим персоналом отправились в г. Харьков на поезде, заняв несколько вагонов, и находились в дороге около двух недель. Из г. Петрозаводска выехали 252 воспитанника (120 мальчиков, 132 девочки) в возрасте от 1 до 16 лет [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 7], на место прибыли лишь 243 ребенка, поскольку одна девочка умерла в дороге, 7 мальчиков заболели корью и другими болезнями, их пришлось оставить в больницах г. Москвы. Там же одного ребенка воспитатели передали матери по ее просьбе.

В Харьковской губернии подопечные поступили под контроль уполномоченного Всероссийского Совета защиты детей Н. С. Арефьева. Изначально предполагалось, что воспитанники проведут на юге лишь летние месяцы, однако вернуться назад оказалось непросто, и дети находились вдали от дома почти год.

Вместе с детьми в Гиевскую колонию прибыл персонал (36 человек): пять прачек, три няни, три дворника, три кухарки, две сиделки, экономка, кастелянша, портниха, а также 16 воспитателей и врач [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8]. Этого оказалось недостаточно, потребовалось пополнение персонала из местных жителей. В колонию были приглашены еще один заведующий учреждением, «две кухарки, посудомойка, ночной сторож, садовник и сестра милосердия» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8]. Вслед за детьми в Харьковскую губернию были также отправлены заведующий детскими домами и заведующая подотделом Охраны детства при Олонецком губернском отделе социального обеспечения. В первое время существования колонии в ней трудилось 43 человека, однако к июню 1920 года число служащих уменьшилось до 28 человек.

3. Управление Гиевской колонией

Практика создания летних колоний для слабых и больных детей существовала в дореволюционный период [Дризо, 1903; Зеленецкий, 1908; Летние детские ..., 1911; Летние колонии ..., 1912]. Летние колонии, чаще всего функционировавшие два месяца, решали задачу оздоровления детей [Детский санаторий ..., 1910, с. 1]. В феврале 1919 года всем Губернским и уездным отделам народного образования было разослано письмо Наркомата просвещения, в котором констатировалось, что «летние трудовые колонии, площадки, экскурсии должны заменить школу» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 403, л. 12]. Это диктовалось не только педагогическими соображениями, но и тяжелым продовольственным и санитарно-гигиеническим положением детей в городских и фабрично-заводских центрах, голодом в северных и центральных губерниях РСФСР в условиях Гражданской войны. Использование летнего времени для отправки детей в трудовые летние колонии стало в этот период востребованной мерой помощи. Например, в 1920 году из г. Петрограда было вывезено в колонии 18 000 человек, из г. Москвы — 20 000 [Радин, 1921, с. 6]. Считалось, что необходимо дать возможность детям отдохнуть «на лоне природы», поддержать и восстановить их здоровье, спасти их от голода и эпидемических заболеваний [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 403, л. 12].

Летние колонии строились по тем же принципам, как и детские дома, от которых они отличались лишь тем, что последние являлись постоянным местообитанием, а колонии функционировали в течение 3—4 месяцев [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 101]. Перед колониями ставились следующие задачи: дать отдых детям на природе; обеспечить правильное питание; обогатить духовный мир ребенка широким и всесторонним знакомством с явлениями природы, особенностями сельского быта; привлечь детей к непосредственному участию в трудовых процессах в целях приобретения социальных и трудовых навыков [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 101].

При организации Гиевской колонии в ее основу был положен регламент о летних трудовых колониях. Во главе учреждения стоял Совет колонии, в состав которого входили все педагоги, врач, представители технического персонала и детского коллектива. Возглавлял Совет председатель в лице заведующего Бобловского, который был приглашен уполномоченным Н. С. Арефьевым «как знающий условия местной жизни» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8]. Для регулирования практической жизни колонии была создана Хозяйственная комиссия из четырех лиц (два руководителя и двое детей), её роль сводилась к приему и распределению приобретенных продуктов и материалов. Никаких планов для улучшения хозяйства колонии комиссия не разрабатывала. Позже Совет колонии распался; был орга-

низован Педагогический совет во главе с председателем, на которого было возложено руководство всей жизнью учреждения. Для руководства хозяйством была приглашена женщина, которая активно привлекала к деятельности колонистов [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8]. С приходом Красной армии Педагогический совет был расширен представителями технического персонала и детей. Совет Гиевской колонии обсуждал внутренние вопросы учреждения и проводил специальные заседания. Например, заседание от 26 июля 1919 года было посвящено решению вопроса о самовольном уходе в Добровольческую армию воспитанника колонии [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 15]. Совет рассмотрел личное дело колониста, отметил, что данный подросток являлся «крайне опасным для окружающих», и постановил довести факт ухода до сведения уполномоченного Н. С. Арёфьева [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 15].

В докладе председателя о жизни “детей Севера”, представленном в мае 1920 года Губернскому отделу народного образования, отмечалось, что жизнь колонии вначале напоминала «столкновение вавилонское», главным виновником которого был определен Н. С. Арёфьев: «Он с первого же дня придавил колонию своим деспотизмом, своей диктатурой. Убрал всякую инициативу и энергию служащих, попирали их человеческое достоинство, обращаясь с ними как с рабами, подрывал в глазах детей авторитет педагогов» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 36]. Председатель подчеркивал, что именно назначение Н. С. Арёфьева на столь важный и ответственный пост явилось большой ошибкой для жизни учреждения.

4. Материальное и медико-санитарное состояние колонии

Гиевская колония с момента организации и до прихода Добровольческой армии (Доброармии) финансировалась Всероссийским Советом защиты детей, во время пребывания Доброармии — Лигой Спасения детей, Харьковским комитетом. С приходом Красной армии колония субсидировалась Харьковским губернским отделом социального обеспечения. Для воспитанников было выделено имение бывшего князя Святополка-Мирского в селе Гиевка, близ станции Люботин Харьковского уезда. Председатель Совета колонии не был уверен в законном закреплении за учреждением занятого здания и в ожидании перевода ее в другую местность не разворачивал активную деятельность внутри учреждения. В инструкции об организации летних колоний говорилось, что для ее создания требовались «здоровая местность, хорошее купание, возможность получать достаточное количество молока, возможность развести огород и близость врачебной помощи» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 101]. В помещениях заранее должны быть произведены все необходимые приспособо-

бления, а именно: приведены в порядок или установлены плиты, уборные, заготовлены кровати, обеденные столы, скамьи, табуреты и т. д. [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 101].

Систему жизнеобеспечения воспитанников колонии можно рассмотреть по нескольким составляющим: продовольствие, обмундирование и медико-санитарное обслуживание. Остановимся на анализе каждого параметра обеспечения, уделив особое внимание продовольственному вопросу, поскольку проблема детского питания являлась основополагающей при попадании ребенка в детское учреждение.

Вопрос о детском питании стоял в стране очень остро, что повлияло и на обеспечение колонии. Недостаток продовольственных ресурсов, с одной стороны, стихийный рост детских учреждений, с другой стороны, различные организационные «дефекты» в области распределения и целый ряд других причин создали такие условия, что и в хлебородных местностях дети получали питание не по установленной норме [Краткий обзор ..., 1921, с. 6]. Врач В. М. Бонч-Бруевич обращала особое внимание на проведение в жизнь декретов о питании. Она указывала на необходимость приложить все усилия к тому, чтобы каждый грудной ребенок в Советской России имел молоко и кашу, единственное возможное для него питание [Арборе-Ралли, 1920, с. 21]. 26 сентября 1918 года был издан декрет «О фонде детского питания», на основе которого местные органы Советской власти были обязаны создавать на местах специальные фонды детского питания [Мананникова, 1973, с. 17]. В мае 1919 года в целях улучшения детского питания и облегчения материального положения трудящихся был издан Декрет СНК РСФСР «О бесплатном питании», по которому все продукты питания выдавались детям в возрасте до 14 лет за счет государства [НА РК, ф. Р-446, оп. 1, д. 61, л. 79]. Автор труда «Мать и дитя в Советской России» Е. Арборе-Ралли считала, что ребенку, который находился в любом учреждении, государство должно было дать не только воспитание и обучение, но и «лучшее питание и одежду» [Арборе-Ралли, 1920, с. 29].

Вопрос снабжения продовольствием являлся напряженным на протяжении всего существования колонии. До приезда детей в колонию было заготовлено только около 410 кг (25 пудов) крупы и 1 тыс. кг (61 пуд) сахарного песка [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 10 об.]. С собой в колонию из Олонецкой губернии сотрудники привезли продукты, которые позволили некоторое время поддерживать питание воспитанников на должном уровне (1230 кг (75 пудов) ржаной и 164 кг (10 пудов) белой муки, более 1640 кг (100 пудов) крупы и др.). В отчетах председателя колонии фиксировалось, что норма питания с самого прибытия детей в хлебородные края

была недостаточна: «дети прибыли из голодающей губернии истощенные и, следовательно, нуждались в усиленном питании» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 11]. Максимальный объем хлеба, который могли получать колонисты, составлял 453 грамма (1 фунт) в день, «молоко от своих коров и яйца» выдавались только для слабых и больных детей [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 10 об.]. Находясь в благоприятном климате, воспитанники недополучали установленной нормы питания.

В начале 1920-х годов не было единых общегосударственных норм продовольственного пайка. Для каждой губернии в зависимости от ее местных условий были разработаны свои суточные нормы пищевого обеспечения [Чебаковская, 2020, с. 154]. В 1920 году Отделом охраны здоровья Наркомпроса РСФСР были разосланы на места таблицы для детских учреждений: «Суточная норма питания», «Замена одних продуктов другими по их питательной (калорийной) ценности» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 479, л. 8]. В них определялось не только необходимое количество продуктов для детей возраста от 3 до 15 лет, но и желательные продукты с их калорийной ценностью. Сотрудники отдела охраны здоровья подробно останавливались на количестве необходимых элементов питания для детей в зависимости от возраста, а также определяли возможные замены продуктов в случае их отсутствия. Данные сведения не просто служили рекомендациями по питанию воспитанников, а определялись как обязательные нормы для всех учреждений Наркомпроса РСФСР [Чебаковская, 2020, с. 155].

После прихода Доброй армии питание воспитанников ухудшилось не только из-за недостаточного выделения средств на обеспечение колонии, но и из-за отсутствия продуктов на рынке. Связь с Советом защиты детей прервалась, никакой помощи от уполномоченного не поступало. Именно в этот период для колонии создалось «скверное положение»: норма питания упала («хлебная норма понизилась до половины фунта» (226 граммов)), помощь от Лиги спасения отсутствовала. Как отмечал председатель учреждения, «не будь своих продуктов, оставшихся к этому времени, в незначительных, правда, размерах, колония могла бы оказаться в состоянии голодовки» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 11]. Только через две недели удалось улучшить положение колонии за счет привлечения помощи местного крестьянства, особенно оказало поддержку местное сельское потребительское общество [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 11 об.].

С приходом Красной армии колония старалась войти в сферу влияния конкретного ведомства, после некоторых усилий ей удалось наладить связь с Харьковским губсобесом (губернским отделом социального обеспечения), который с 31 декабря 1919 года стал систематически субсидировать колонию, а через пару недель стал снабжать по возможности и продуктами

ми. По отчетам фиксировалось, что период январь — февраль 1920 года для колонии являлся наиболее удачным в плане обеспеченности за все время существования учреждения. В подтверждение факта улучшения состояния приводилась норма продовольственного пайка на одного колониста. Данные нормы продуктового пайка можно сравнить с нормативами, разработанными Отделом охраны здоровья Наркомпроса РСФСР. В нормах питания детей в Гиевской колонии отсутствовала дифференциация по возрасту, поэтому возможно их примерное сопоставление. По некоторым позициям нормативов заметны совпадения: хлеб, крупа, картофель, сахар определялись в равных пропорциях. По ряду продуктов различимы их объемы, так, например, в колонии мяса предусматривалось в два раза больше, картофельной муки — аналогично, муки — в два раза меньше. В детском учреждении выдавался паек, в который определялись продукты, не обозначенные Отделом охраны здоровья: макароны, огурец, капуста, бурак, кофе, чай, сало и др. Данные позиции могли определяться спецификой местных условий края. По установленным нормам и рекомендациям врачей в пайке воспитанника детского учреждения обязательно должны были быть такие продукты, как молоко и яйцо. По разработанным нормативам ребенку полагалось два стакана молока в день, однако увидеть его в рационе колонистов можно было крайне редко. В инструкции об организации летних колоний фиксировалось, что суточный объем потребления молока воспитанником должен составлять две бутылки (предполагая, что из этого количества четверть будет употреблена в состав блюд, а остальное будет выпито ребенком в течение дня) [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 104].

В отчетах председателя колонии отмечалось, что в учреждении норму продовольственного пайка не удавалось обеспечить, например, из-за невозможности приобрести необходимые продукты [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 12]. За время существования колонии фактический суточный паек не соответствовал норме полностью, что было связано, в частности, и с большим количеством подопечных. Развитие подсобного хозяйства могло облегчить положение детей и сотрудников, однако отсутствие четкого плана резвакуации, необходимых ресурсов для создания огородного участка и выращивания скота отодвигали данное решение.

Следующим важным вопросом жизнеобеспечения колонистов являлось снабжение их верхней одеждой, обувью, нижним бельем, верхними костюмами (платьями), головными уборами, чулками и др. С обмундированием воспитанников дело обстояло намного лучше, потому что дети привезли с собой достаточное количество белья, одежды и мануфактуры. Однако за 10 месяцев существования колонии оно изнашивалось, требовалось его пополнение. Иногда вопрос снабжения одеждой и обувью стара-

лись решить в детском учреждении собственными силами, для этого использовали мастерские. Еще в сентябре 1919 года Американский комитет помощи русским детям предоставил колонии материал для шитья белья: 9 кусков тонкой бязи на 136 аршин и серого сукна 20 аршин [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 12]¹. Только часть материала удалось переработать на белье, дальнейшая работа была приостановлена из-за отсутствия ниток. Труднее дело обстояло с обувью, которая за осень-зиму износилась совершенно. Обувь быстро портилась в связи с сушкой у печи или на открытой плите. Колонисты ходили в одной и той же обуви в лес, на огород, занятия и прогулки. Производства детской обуви как отдельной самостоятельной отрасли в стране на тот момент не было, обувь для детей делали из остатков от производства взрослой обуви, что соответствующим образом сказывалось как на ее качестве, так и на количестве [Смирнова, 2015, с. 247]. В марте 1920 года общее собрание воспитанников отправило просьбу в Совет защиты детей о снабжении их обувью и мануфактурой: «Так как дети очень обносились, почти все не имеют обуви, даже некоторые дежурные по пилке дров и по зданию приюта ходят в вязанных из шпагата туфлях, и за недостатком обуви большинство детей принуждены сидеть дома и лишены прогулок на свежем воздухе» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 14]. В докладе председателя колонии в мае 1920 года говорилось, что дети не имели обуви и ходили в веревочных туфлях, изготавливаемых самими воспитанниками.

Решить вопрос нехватки одежды пытались собственными силами через организованные при колонии мастерские. Так в рукодельном классе за 115 рабочих дней было сшито «239 штук разного белья, починено 432 платья, надвязан 221 чулок» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Также воспитанниками было изготовлено «40 пар новых русских сапог и починено 186 пар старых» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Дело снабжения обмундированием детей зачастую являлось заботой сотрудников учреждения, которые могли решить этот вопрос только при условии увеличения финансирования данной статьи расходов.

Еще одним вопросом обеспеченности воспитанников Гиевской колонии являлось медико-санитарное обслуживание, под которым подразумевались санитарно-гигиенические условия в учреждении, наличие у подопечных предметов личной гигиены и обследование детей врачами. С первых же дней своего существования советское государство приняло ряд законодательных актов и разработало специальные мероприятия по охране здоровья матери и ребенка [Гришина, 1958, с. 21]. Руководство страны ставило перед собой задачу «социализировать, сделать достоянием государ-

1 1 аршин – 0,71 метр. Тонкой бязи – 96,5 м в одном куске ткани, серое сукно — 14,2 м.

ства заботу о здоровье детей всех возрастов от колыбели до полного созревания» [Радин, 1921, с. 4]. Считалось, что охрана здоровья детей является важнейшим условием воспитания «нового человека», «создания сильных духовно и физически граждан» [Альбицкий и др., 2018, с. 61]. Система охраны детства в стране осуществлялась в основном за государственный счет, однако средств у государства на реализацию всех запланированных проектов в области здоровья детей не хватало, и многие замыслы остались не реализованными.

По прибытию детей в Харьковскую губернию было обнаружено, что санитарное состояние колонии являлось неудовлетворительным: «Здание холодное и сырое. Некоторые помещения совершенно не пригодны для зимнего жилья» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37]. С ноября по февраль в колонии ощущался острый недостаток топлива, в связи с чем некоторые комнаты были закрыты на зиму и не использовались. Все большие комнаты были отведены под спальни, где температура воздуха поддерживалась на необходимом уровне. Столовая колонии совершенно не отапливалась из-за непригодности печей. Лишь одна гостиная была предоставлена воспитанникам для постановки спектаклей и устройства детских вечеров, именно в этой комнате колонисты могли находиться в дождливую или морозную погоду. Отсутствие необходимого количества помещений стало причиной «скученности» детей. В отношении бани вопрос стоял также остро: учреждение не имело собственной бани, ванна не функционировала из-за порчи водопровода, для мытья детей приходилось использовать прачечную. Не всегда у воспитанников колонии была возможность надеть свежее белье и вытереться чистым сухим полотенцем. «Зимой дети мылись и меняли белье крайне редко» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37].

Из инструкции об организации летних колоний следовало, что перед отправлением детей для руководителей учреждения должны были проводиться «кратковременные курсы подачи скорой помощи для ухода за больными» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 103]. В Гиевскую колонию из Олонецкой губернии вместе с детьми прибыл врач, которому приходилось обслуживать не только воспитанников учреждения, но и сотрудников. Для оказания помощи в деле охраны здоровья детей на месте была принята на работу сестра милосердия. При колонии был организован лазарет на 25—30 мест. Для данного помещения отводилось пять изоляционных комнат, в них содержались слабые дети и дети с легкими заболеваниями. В случае обнаружения заразных заболеваний воспитанников колонии направляли в Люботинскую железнодорожную больницу, за время функционирования учреждения к данной мере прибегали только два раза [НА РК, ф. Р-2, оп. 1,

д. 673, л. 10]. В мае 1920 года штат сотрудников лазарета колонии расширился за счет приема на работу двух сиделок.

Нездоровые санитарно-гигиенические и жилищные условия жизни, плохое питание способствовали быстрому распространению болезней, особенно инфекционных. Самыми распространенными болезнями среди детей являлись «чесотка, трахома, фурункулы, тиф» [Лившиц, 1925, с. 131]. Весной 1920 года фиксировалось, что все воспитанники колонии были заражены чесоткой, которая к концу марта «приняла ужасающие формы» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37]. Наличие вшей и чесотка стали настолько привычным явлением, что их перестали считать заболеваниями [Смирнова, 2003, с. 253]. В то время считалось, что кожные болезни не опасны для жизни, но очень тягостны для больных и представляют угрозу для окружающих, так как легко передаются от больного к здоровому, если больные со здоровыми детьми пользуются одной постелью, головными уборами, полотенцами и т. п. [Бекарюков, 1923, с. 70] Именно это мешало вести борьбу с эпидемией чесотки. Возможность заражений уменьшалась при соблюдении чистоты тела и белья, чего можно было достичь путем частых омовений и тщательной стирки, но и это осложнялось отсутствием мыльных принадлежностей, личных полотенец и недоступностью систематического посещения бани.

Малочисленность медицинского персонала, слабость санитарной организации были причинами возникновения эпидемических заболеваний и смертности детей. Даже во время транспортировки детей в колонию среди воспитанников вспыхивали инфекционные заболевания. За время существования Гиевской колонии умерло 17 воспитанников преимущественно младшего возраста, в том числе двое детей руководителей. Смерть колонистов была вызвана такими заболеваниями, как туберкулез (6 случаев), корь, вызвавшая осложнение — воспаление легких (4 случая), дизентерия (3 случая), воспаление легких (2 случая), оспа (1 случай), остро желудочно-кишечный катар (1 случай) [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37].

Итак, плохое питание приводило к болезням детей, некоторые заболевания не было возможности предотвратить из-за отсутствия мыла, аптек. Обеспечение медикаментами было недостаточным, санитарное состояние колонии оценивалось сотрудниками как неудовлетворительное. Таким образом, жизнеобеспечение воспитанника Гиевской колонии крайне редко организовывалось на местах в соответствии с нормативами из центра. Это было связано с множеством проблем, с которыми сталкивались детские учреждения в ходе обеспечения «государственного ребенка»: недостаток финансирования, неудовлетворительная материальная база учреждения, отсутствие необходимого сырья, некачественное продовольствие, нехватка медицинских кадров и др.

5. Учебно-воспитательный процесс в колонии

На протяжении функционирования Гиевской колонии учебно-воспитательная работа учреждения тормозилась отсутствием необходимой педагогической подготовки кадров, многочисленным и смешанным составом детей, отсутствием школьных пособий и материалов и др. Все воспитанники были поделены на группы: первая — дети дошкольного возраста, вторая — дети младшего возраста (8—10 лет), третья — дети среднего школьного возраста (11—13 лет), четвертая — старшие дети (14—16 лет) [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 8об.]. Каждая группа со своим руководителем вела самостоятельные занятия, поддерживая связь со всем коллективом колонии. Педагогическая работа в учреждении осуществлялась в форме беседы, подвижных игр, прогулок, спектаклей, хорового пения, экскурсий и т. д. [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Во время экскурсий и прогулок колонисты изучали природу, сельское хозяйство, знакомились с крестьянским бытом и пр. Дети узнавали различные новые факты о мире природы через общение и беседу, а также закрепляли эти знания при личном наблюдении, приобщаясь к природе [Ладченко, 2018, с. 186]. В основу трудового воспитания колонистов были положены принципы самообслуживания, самостоятельности и взаимопомощи. Дети старшего возраста принимали активное участие в жизни колонии: «работали на огороде, в питомнике, по дворовому хозяйству, ухаживали за домашними животными, занимались уборкой помещений, изготавливали, стирали и чинили белье, одежду, обувь, готовили пищу» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9] и др. Также воспитанников привлекали для помощи в уходе за маленькими и больными детьми. Считалось, что, как и в детских домах, в жизни летних колоний должен проводиться принцип трудового начала без наемного труда, когда работа делается детьми [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 103 об.]. К приглашению технического персонала прибегали только в случае, когда хозяйственная работа не могла быть осуществлена подопечными.

Председатель Совета колонии отмечал, что проводимая в учреждении учебно-педагогическая работа не носила «характер строго выдержанной системы» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Планомерные педагогические занятия были связаны, например, с трудовой деятельностью. Для этого при учреждении функционировали сапожная мастерская и рукодельный класс, организованные к концу лета и работавшие с перерывами из-за отсутствия необходимого материала. В сапожной мастерской мальчики трудились самостоятельно по 3—4 часа в день: изготавливали новую обувь и чинили старую. В рукодельном классе дети работали под руководством воспитательницы, имевшей специальную подготовку. Девочки обучались шитью, кройке белья, одежды, вязанию и вышиванию.

Поскольку дети вовремя не вернулись обратно на родину, было решено начать школьные занятия. Однако осуществить это удалось только в ноябре, так как сотрудники колонии столкнулись с рядом бытовых проблем: «вместо класса — голые стены и буквально полное отсутствие школьных пособий» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 9]. Взрослые вместе с детьми нашли доски и сколотили простые скамейки и столы. Часть учебников и тетрадей достали бесплатно, и немного было приобретено — на «весьма незначительную сумму». Все, что удалось сделать своими силами, совсем не удовлетворяло потребностей колонии. Тем не менее школьные занятия старались проводить: обучали письму и новой орфографии. Нехватку пособий и книг обсуждали и на собраниях детей старшей группы, в марте 1920 года воспитанники колонии просили Совет защиты детей прислать им все необходимое для обучения грамоте и для чтения [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 14].

Председатель колонии отмечал, что педагогические цели и задачи в данном учреждении отодвигались на второй план из-за необходимости удовлетворить в первую очередь физиологические потребности детей: «накормить, одеть, обуть и поддержать здоровье» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 12]. Руководитель считал, что вместо такой многочисленной колонии следовало устраивать отдельные небольшие колонии по 40—50 человек: с ними значительно легче справиться как с хозяйственной, так и с педагогической точки зрения. О данной практике говорилось и в инструкции для руководства по организации летних колоний от 1 июля 1919 года, а именно отмечалось, что «опыт устройства больших по численности детских колоний привел к отрицательным результатам» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 102 об.]. Рекомендовалось организовывать небольшие «колонии-семьи в 24—30 человек со смешанным составом мальчиков и девочек» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 457, л. 102 об.]. Дети дошкольного возраста должны были составлять не более трети всего состава, чтобы их обслуживание не осложняло работу сотрудников и не ложилось на плечи других воспитанников. Данные семейные колонии могли помочь руководителям ближе узнавать детей, индивидуализировать наблюдение за ними, иметь большее воспитательное влияние, чем в многолюдных колониях.

6. Решение вопроса о реэвакуации колонии

Урегулирование вопроса реэвакуации “детей Севера” происходило на протяжении всего времени существования колонии. Председатель Педагогического совета учреждения отмечал «сильное стремление детей вернуться обратно домой на север», объясняя это оторванностью от родных, пережитыми в колонии трудностями, неизвестностью будущего,

неблагоприятными местными условиями, непригодностью здания для такой многочисленной колонии и др. причинами [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 13]. Неоднократно воспитанники колонии вместе с сотрудниками отправляли телеграммы в Олонецкую губернию с просьбой вернуть их домой. Телеграмма от января 1920 года имела следующее содержание: «Олонецкие детские дома шлют привет. Находятся в прежнем месте Люботин, Гиевка. Пережили много, стремятся домой, просьба сообщить о жизни Олонии и эвакуировать» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 3].

Возвращение детей обратно на родину осложнялось происходившим в 1919—1920 годах процессом передачи учреждений из ведения Народного комиссариата социального обеспечения в ведение Народного комиссариата просвещения. Отделы народного образования первоначально не создали особую комиссию, решающую проблемы детских домов, что осложнялось имевшейся внутренней неразберихой между ведомствами.

В марте 1920 года на общем собрании детей было решено отправить в Карелию делегатов для решения вопроса о возвращении воспитанников колонии на родину. 15 апреля 1920 года в г. Петрозаводск прибыла делегатка от колонии София Дмитриевна Куклич с просьбой о немедленном возвращении детских приютов в Карелию из-за крайне тяжелых жизненных условий в Харьковской губернии. Она предоставила доклад о жизни «детей Севера» в селе Гиевка, отметив, что сложные условия жизни колонии висят «над головой, как дамоклов меч, они не дают свободно дышать, гнут к земле, леденят душу» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 37об.]. Воспитанники и сотрудники колонии сильно тосковали «по милой Олонии» [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 38]. Особенно тоска по дому усилилась после возобновления почтового сообщения юга с севером и приезда некоторых родителей за детьми.

В конце апреля 1920 года было получено разрешение от Совета защиты детей об отправке на родину только тех подопечных, кто имел родителей или родственников [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 17]. Детей-сирот оставляли в Харьковской губернии ввиду их одинакового материального положения как на родине, так и в колонии. После данного разрешения началось постепенное возвращение воспитанников домой [НА РК, ф. Р-2, оп. 1, д. 673, л. 19—20]. В июне 1920 года в колонии остались только дети-сироты, их возвращение затянулось еще на месяц, поскольку в г. Петрозаводске долго согласовывался вопрос о предоставлении помещений и необходимого инвентаря для эвакуированных детей.

Условия, в которых оказывались дети во время эвакуации, были не менее тяжелыми, чем на родине (массовые эпидемии, отсутствие полноценного питания, обмундирования, санитарно-гигиенических условий),

поэтому к концу 1921 года представители некоторых местных комиссий по улучшению жизни детей выступали за немедленное прекращение эвакуации как меры, не только не спасающей детей, но и представляющей серьезную опасность для их жизни [Смирнова, 2015, с. 165].

7. Заключение

Опыт эвакуации социально неблагополучных детей Олонецкой губернии в «хлебородную» губернию оказался единичным для данного края. Идея использования летнего времени для эвакуации детей в колонию являлась востребованной, но сложно осуществимой мерой помощи в условиях Гражданской войны. Отправка детей в Харьковскую губернию определялась необходимостью срочного улучшения продовольственного и санитарно-гигиенического положения детей. Хотя перед руководством колонии ставилась задача организации здорового отдыха на природе с духовным обогащением мира ребенка, в реальности персоналу учреждения приходилось концентрироваться на решении вопросов, прежде всего связанных с жизнью и здоровьем подопечных. Прибывшим воспитанникам из Олонецкой губернии необходимо было вместе с воспитателями обустроить для себя место предполагаемого отдыха и оздоровления в селе Гиевка, что демонстрировало отсутствие планомерной подготовки к приезду детей со стороны местных ведомств. Анализ системы жизнеобеспечения детей и воспитательного процесса внутри учреждения показал многочисленные проблемы, с которыми сотрудникам колонии приходилось справляться самостоятельно. С момента прибытия детей и до их реэвакуации имелись проблемы по снабжению продуктами, обеспечению одеждой и обувью, организации медико-санитарного обслуживания. Возвращение в родные края в условиях войны оказалось крайне сложным делом. Организаторы эвакуации не могли предусмотреть все ее последствия, поскольку события разворачивались непредсказуемо. Попытка применения в годы Гражданской войны апробированного в условиях мирной жизни опыта создания колонии для детей в далеком крае оказалась неудачной.

Тем не менее в колонии, вопреки трудностям, были налажены условия для жизни и развития детей. Привлечение колонистов к трудовой деятельности благодаря организации мастерских и подсобных хозяйств позволяло не только приобрести социальные и трудовые навыки воспитанникам, но и частично облегчить положение колонии в деле обеспечения продуктами и одеждой. Форма управления колонией не менялась, внутренние изменения были связаны с расширением состава Совета и сменой заведующих. Изучение данного специфического способа социальной помощи детям позволило продемонстрировать сложность и рискованность такого рода ме-

роприятий в экстремальных условиях Гражданской войны. Создание необходимых условий для жизни и поддержания здоровья детей ложилось целиком на плечи сотрудников колонии.

Источники и принятые сокращения

1. *Арборе-Ралли Е.* Мать и дитя в Советской России / Е. Арборе-Ралли. — Москва : Гос. изд-во, 1920. — 31 с.
2. *Бекарюков Д.* Что такое заразные болезни и как вести против них борьбу / Д. Бекарюков // Здоровые дети — светоч будущего. — Москва ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. — С. 66—70.
3. *Декреты Советской власти* : в 18 т. Т. 4 : 10 ноября 1918 г. — 31 марта 1919 г. — Москва : Политиздат, 1968. — 744 с.
4. *Детский санаторий имени С. Н. Коломенкина и летняя школьная колония.* — Воронеж : Типо-Лит. т-ва Печатник, 1910. — 6 с.
5. *Дризо Л.* Летние колонии в Европе и других частях света : очерк развития первой летней колонии в Одессе. (К 10-летию ее существования) / Л. Дризо. — Одесса : Тип. торг. д. Г. М. Левинсон, 1903. — 116 с.
6. *Евсеев.* Работа Пермской трудовой колонии / Евсеев // Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми : сборник статей и материалов под ред. В. Л. Швейцер, С. М. Шабалова. — Москва : Издание Главсоцвоса НКП, 1926. — С. 18—28.
7. *Зеленецкий А. М.* О заграничных и русских летних школьных колониях / А. М. Зеленецкий. — Санкт-Петербург : Тип. И. В. Леонтьева, 1908. — 179 с.
8. *Краткий обзор о работе Комиссии ВЦИКа по улучшению жизни детей.* — Москва : Б. и., 1921. — 74 с.
9. *Летние детские колонии, подвижные игры и загородные экскурсии, организованные московским обществом борьбы с детской смертностью в 1910 году.* — Москва : Изд. О-ва борьбы с детской смертностью, 1911. — 33 с.
10. *Летние колонии для московских школьников за двадцатипятилетие. 1888—1912.* — Москва : Кружок летних колоний для учащихся в моск. гор. уч-щах, 1912. — 265 с.
11. *Лившиц Е.* Социальные корни беспризорности / Е. Лившиц. — Москва : Работник просвещения, 1925. — 206 с.
12. НА РК — *Национальный архив Республики Карелия.* Ф. Р-2 (Олонецкий губернский отдел народного образования). Оп. 1. Д. 403. Л. 12; Д. 457. Л. 8; Д. 457. Лл. 101, 102 об., 103, 103 об., 104; Д. 673. Лл. 3, 7, 8, 8 об., 9, 10, 10 об., 11, 11 об., 12, 13, 14, 15, 17, 19—20, 36, 37, 37 об., 38; Ф. Р-446 (Олонецкий губернский отдел социального обеспечения). Оп. 1. Д. 61. Л. 76.
13. *Радин Е. П.* Что делает советская власть для охраны здоровья детей? / Е. П. Радин. — Вятка : 1-я Гос. тип., 1921. — 16 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашкина Е. В.* Советский пионерский лагерь: от послевоенного к позднесоветскому (опыт качественного исследования) / Е. В. Абашкина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2013. — Т. 13, № 4. —

С. 55—59. Soviet pioneer camp: from the post-war to the late (experience of qualitative research). *Izvestia of saratov university. New series. Series: Sociology. Politology*

2. Альбицкий В. Ю. Истоки и становление государственной системы охраны здоровья детей в Советской России / В. Ю. Альбицкий, С. А. Шер. — Москва : Союз педиатров России, 2018. — 207 с.

3. Гришина Т. А. Развитие охраны здоровья детей в Московской области (1868—1957 гг.) / Т. А. Гришина. — Москва : Гос. изд-во медицин. лит-ры, 1958. — 107 с.

4. Дейч Б. А. Детские лагеря в России как ресурс социального воспитания: становление, развитие, современный потенциал / Б. А. Дейч // Вестник педагогических инноваций. — 2016. — № 1 (41). — С. 90—96.

5. Дорохова Т. С. Организация детского летнего отдыха в Пермской губернии конца XIX — начала XX вв. / Т. С. Дорохова // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 5. — С. 33—39.

6. Коротаева Е. В. Педагогика уральских каникул: история и современность / Е. В. Коротаева // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 5. — С. 40—47.

7. Куприянов Б. В. Загородный детский лагерь в исторической ретроспективе / Б. В. Куприянов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. — 2018. — № 1 (43). — С. 86—97.

8. Ладченко К. В. Российские летние детские колонии второй половины XIX — начала XX века / К. В. Ладченко // Проблемы современного образования. — 2018. — № 1. — С. 180—188.

9. Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР / Н. В. Мананникова. — Москва : Медицина, 1973. — 280 с.

10. Население России в XX веке : Исторические очерки. 1900—1939 : в 3 т. Т. 1 / отв. ред. Ю. А. Поляков. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 463 с.

11. Смирнова Т. М. «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) / Т. М. Смирнова // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2003. — Москва, 2003. — С. 226—245.

12. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917—1940 гг. / Т. М. Смирнова. — Москва : Ин-т российской истории РАН ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 384 с.

13. Чебаковская А. В. Продовольственное обеспечение воспитанников детских домов Карелии в 1920-х — первой половине 1930-х гг. / А. В. Чебаковская // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и Филология. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 153—164. — DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-153-164.

MATERIAL RESOURCES

A brief overview of the work of the All-Russian Central Executive Committee Commission to improve the lives of children. (1921). Moscow: B. i. 74 p. (In Russ.).

Arbore-Ralli, E. (1920). *Mother and child in Soviet Russia*. Moscow: Gos. izd-vo. 31 p. (In Russ.).

Bekaryukov, D. (1923). What are infectious diseases and how to fight them. In: *Healthy children are the beacon of the future*. Moscow; Petrograd: Gos. izd-vo. 66—70. (In Russ.).

Gubsobes — *Provincial Department of Social Security*. (In Russ.).

- Children's sanatorium named after S. N. Kolomenkin and summer school colony.* (1910). Voronezh: Tipo-Lit. t-va Pechatnik. 6 p. (In Russ.).
- Drizo, L. (1903). *Summer colonies in Europe and other parts of the world: an outline of the development of the first summer colony in Odessa. (To the 10th anniversary of its existence).* Odessa: Tip. trgovogo doma G. M. Levinson. 116 p. (In Russ.).
- Evseev. (1926). The work of the Perm labor colony. In: Schweitzer, V. L., Shabalova, S. M. (eds.) *Homeless in labor communes. Practice of working with difficult children.* Moscow: Izdanie Glavsotsvosa NKP. 18—28. (In Russ.).
- Summer children's colonies, outdoor games and out-of-town excursions organized by the Moscow Society for the Fight against Child Mortality in 1910.* (1911). Moscow: Izd. O-va bor'by s detskoy smertnostyu. 33 p. (In Russ.).
- Summer colonies for Moscow schoolchildren for the 25th anniversary. 1888—1912.* (1912). Moscow: Kruzhok letnikh koloniy dlya uchaschikh v mosk. gor. uchshchakh. 265 p. (In Russ.).
- Livshits, E. (1925). *The social roots of homelessness.* Moscow: Rabotnik prosveshcheniya. 206 p. (In Russ.).
- NA RK — *National Archives of the Republic of Karelia. (Olonets provincial department of public education).* (In Russ.).
- Radin, E. P. (1921). *What is the Soviet government doing to protect children's health?* Vyatka: 1 Gos. tip. 16 p. (In Russ.).
- Soviet decrees. 10 November 1918 — 31 March 1919.* (1968). Moscow: Politizdat. 18 (4). 744 p. (In Russ.).
- Zelenetskiy, A. M. (1908). *About foreign and Russian summer school colonies.* St. Petersburg: Tip. I. V. Leontyeva. 179 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Abashkina, E. V. (2013). Soviet pioneer camp: from post-war to the late soviet (experience of qualitative research). *Izvestia of saratov university. New series. Series: Sociology. Politics*, 13 (4): 55—59. (In Russ.).
- Albitskiy, V. Yu., Sher, S. A. (2018). *The origins and formation of the state system of child health protection in Soviet Russia.* Moscow: Soyuz pediatrov Rossii. 207 p. (In Russ.).
- Chebakovskaja, A. V. (2020). Food rations for children in orphanages of Karelia in the 1920s and the first half of the 1930s. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 30 (1): 153—164. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-1-153-164. (In Russ.).
- Deych, B. A. (2016). Children's camps in Russia as a resource of social education: formation, development, modern potential. *Bulletin of pedagogical innovations*, 1 (41): 90—96. (In Russ.).
- Dorokhova, T. S. (2017). Organization of children's summer holidays in the Perm province of the late XX — early XX centuries. *Pedagogical education in Russia*, 5: 33—39. (In Russ.).
- Grishina, T. A. (1958). *Development of children's health care in the Moscow region (1868—1957).* Moscow: Gos. izd-vo meditsin. lit-ry. 107 p. (In Russ.).
- Korotaeva, E. V. (2017). Pedagogy of the Ural Vacations: Past and Present. *Pedagogical education in Russia*, 5: 40—47. (In Russ.).

- Kupriyanov, B. V. (2018). Country children's camp in a historical retrospective. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology, 1 (43)*: 86—97. (In Russ.).
- Ladchenko, K. V. (2018). Russian summer colonies for children in the second half of the 20th — early 20th century. *Problems of modern education, 1*: 180—188. (In Russ.).
- Manannikova, N. V. (1973). *Child health protection in the USSR*. Moscow: Meditsina. 280 p. (In Russ.).
- Polyakov, Yu. A. (ed.). (2000). *The population of Russia in the twentieth century. Historical sketches. 1900—1939*. Moskva: ROSSPEN. 3/1. 463 p. (In Russ.).
- Smirnova, T. M. (2003). “Better to take out and shoot”: Soviet power and hungry children (1917—1923). In: *Yearbook of Historical and Anthropological Research, 2003*. Moskva. 226—245. (In Russ.).
- Smirnova, T. M. (2015). *Children of the Land of Soviets: From State Policy to the Realities of Everyday Life. 1917—1940*. Moskva: In-t rossiyskoy istorii RAN; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 384 p. (In Russ.).